

8. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – Изд. 3. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 278 с.
9. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 264 с.
10. Ortheil H. J. Die Berlinreise / Hanns-Josef Ortheil. Luchterhand : Literaturverlag, 2014. – 288 S.
11. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / Walter Porzig. – Bern ; München, 1967.
12. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes / Jost Trier. – Heidelberg, 1931. – Bd. 1. – S. 100–397.

Мельник Мирослава. Тематическое поле «город» в немецком городском романе. В статье рассматриваются основные принципы функционирования теории поля с применением практического анализа тематического поля в романе «Die Berlinreise» («Путешествие в Берлин») современного немецкого писателя Г. Ортайля. Теоретическая проблема полевой структуры, которая поднимается в статье, еще до сих пор не нашла однозначного решения в лингвистике. Рассматриваются основные подходы к пониманию поля в лингвистике и останавливает свой взгляд на тематическом поле, которое по своей структуре сравнимо с номинативным полем в концептологии. Принимая во внимание тематические особенности романа, специфику художественного времени и пространства, а также вековые особенности главного героя, делаются выводы, что тематическое поле «город» характеризуется многослойностью, неоднородностью элементов, входящих в состав ядра и периферии, а также антропоцентричностью.

Ключевые слова: городской роман, тематическое поле, городское пространство, городской житель.

Melnyk Myroslava. Thematic Field «City» in German Urban Novel. In this article the main principles and functions of the field theory are considered along with the practical analysis of a thematic field “city” in the novel „Die Berlinreise“ (“Trip to Berlin”) by modern German writer H. Ortheil. Theoretic problem of the field structure still does not find any clear solution in the linguistics. The author takes a look at main approaches to the understanding of field in the linguistic theory, and analyzes thematic field, which is close to the field structure of a concept. Taking into consideration thematic peculiarities of the novel, specific features of literary time and space, and also age of the main character, the author of the article draws a conclusion that thematic field “city” is characterized by complex structure, absence of elements homogeneity that build center and peripheral meanings in the field, and also by anthropocentric character.

Key words: urban novel, thematic field, urban space, citizen.

Стаття надійшла до редколегії
13. 02. 2016 р.

УДК 821.161.1-311.6.09

Евгений Никольский

Типология женских характеров и судеб в произведениях

Всеволода Соловьёва о русской истории XVII века

В статье рассмотрена типология женских характеров в исторических романах Всеволода Соловьёва «Жених Царевны» (1891), «Касимовская невеста» (1879) и «Царь-девица» (1878), посвященных русской истории XVII ст. Проанализирован созданный писателем тип «порушенной невесты» и иные женские типажи. Отмечается, что писатель критически оценивал уклад допетровской Руси, когда талантливые женщины вынуждены были становиться затворницами и что искреннее восхищение Всеволода Соловьёва вызывали религиозно одаренные натуры, а также бунтарки. Особенно подробно в этом контексте анализируется образ царевны Софьи, которая представлена во всем противоречии и её эпохи, и её натуры (как грешница и как святая).

Ключевые слова: исторический роман, XVII век, авторское восприятие исторической личности, династия Романовых, царевна Софья, женские образы.

Постановка научной проблемы и ее значение. Исторический романист Всеволод Сергеевич Соловьёв (1849–1903) посвятил свои романы «Жених Царевны» (1891), «Касимовская невеста» (1879) и «Царь-девица» (1878) русской истории XVII в., поэтому объединяем их под условным

наименованием «Теремной триптих». Автор переносит читателя в интересный и увлекательный мир эпохи начала правления династии Романовых и открывает перед нами неведомый ранее и загадочный мир за стенами царского терема, описывает старую Москву, взаимоотношения монархов с боярами, внутренние проблемы августейшей семьи и её окружения.

В этих произведениях есть одна яркая особенность, на которую стоит, на наш взгляд, обратить особенное внимание. Эта черта «заключается в явном преобладании женских образов. ...Под пером Вс. Соловьева допетровская Русь представляется нам своеобразным “женским царством”» [4, с. 351]. То, что женские черты (такие как эмоциональность, страсть, а также пассивность, мягкость, доброта) были присущи допетровской Руси, отмечали многие историки и философы XIX – начала XX вв. Безусловно, идея женственности, характерной для России, была сформулирована славянофилами. Кроме того, отец писателя, С. М. Соловьев, отмечал: «Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей...» [9, с. 221]. Смена возрастов, переход от эмоций и чувств (женственности) к настоящей работе, связанной с волей и усилием (мужественности), – все это было воплощено в романе Вс. Соловьева. Идея женственности народной Руси, «покоренной» Петром I, была очень популярной в среде русской интеллигенции XIX – начала XX вв. Так, русский философ Н. А. Бердяев писал «о вечно-бабьем» в русском национальном характере. Он же в русской женственности видел анархизм – главную черту русского характера, женственного по сути, а не мужественного [1, с. 275]. «И хотя Вс. Соловьев вряд ли был приверженцем славянофильства, идея женственности, как специфической черты образа России, была ему близка и, видимо, соответствовала представлениям писателя о русской национальной культуре, истории, психологии русского народа. Таким образом, мы можем объяснить и политические взгляды писателя, приверженность его к монархизму. По мнению Вс. Соловьева, женственной, пассивной и эмоциональной России нужна твердая, единоподержавная форма власти. Писатель представляет старую Русь в виде женских образов, символизирующих ее отрицательные и положительные черты. Приход к власти Петра I, насаждение европейской культуры, конечно, рассматривается Вс. Соловьевым как положительный факт, что отличает его взгляды от идеологии славянофильства» [4, с. 353].

Изложение основного материала и обоснование результатов исследования. Толкование соловьевских женских образов показывает, что в каждом из них представлена старая, допетровская Русь в одной из своих возможных форм. Постоянный интерес романиста к женской доле в допетровской Руси отмечал его биограф А. И. Измайлов: «...Особенно чаровали писателя русские женщины, которых обстоятельства, происхождение и бессмысленные условия неустроенной русской жизни сделали своею жертвой, разбив и разрушив их счастья, и приведя их к глубокой тоске или монастырской келье. Читатель вспомнит Фиму Всеволодскую, “разрушенную невесту”; Ирину и Машу – из “Жениха царевны”; Любу Кадашеву, в инокинях Веру, из “Царь-девицы” и многие подобные образы» [2, с. 7]. В основе нашей типологии женских характеров лежит принцип восприятия личностью общественного уклада (в данном случае теремных порядков в Московском Кремле).

Как известно, в допетровской Руси женщина была бесправна, стремление выразить себя как личность проявлялось в виде бунта против сложившихся условий существования, пассивного (смирненного) принятия устоев или же борьбы с ними с помощью хитрости, а также проявлений эгоизма или, наоборот, альтруизма. В основу нашей типологии мы кладем **принцип отношения героинь к сложившимся социально-культурным условиям**. При этом их сословный статус героинь (представительниц правящей династии или высшей аристократии, а также служанок) актуален, но ведущим для выявления их позиции по отношению к общественным условиям не становится. Таким образом, мы следуем за мыслью автора, который полагал, что социальные процессы – следствие нравственной позиции человека. Благодаря изучению различных источников, в т. ч. многотомника С. М. Соловьева (отца Всеволода Соловьева) «История России с древнейших времен», в этом романе писателю удалось художественно воскресить дух противоречивой эпохи, воссоздать мир, наполненный значительными характерами, сильными страстями, благородными порывами и злой волей. Несмотря на то, что писатель любил XVII в., при изображении характеров он не проявлял склонности к идеализации этой эпохи. В произведениях об указанном периоде русской истории мы встречаем и трагические личности (царевны Софья и Ирина, царица Марфа, Мария Хлопова), и отрицательных персонажей (боярыня Анна Хитрая и другие), и светлых дев, и

жен (Родимица, царица Наталья Кирилловна, Маша, Люба). Вс. Соловьев знакомит читателей с обычаями старины, людьми тех лет, заставляет восторгаться высотами их духа, подвигами, проклинать их подлости и бесчестные дела, ценить человечность и осуждать жестокость и властолюбие.

Царственные героини Вс. Соловьева (которых мы называем «поруганными невестами») стали жертвами трагического конфликта между личностью, стремящейся к счастью, и социально-религиозными предрассудками эпохи. Соловьев неоднократно отмечал, что многое из жизни его героинь обусловлено традициями эпохи. К примеру, в романе «Жених царевны» мы встречаем такие строки: «...Препятствий более всего было, конечно, в царском тереме, где под тройной охраной вырастали царевны. Для них положение боярышень или дочерей купеческих представлялось чуть ли не идеалом запретной свободы. Для царевен все представлялось недозволенным. Наконец, и мужа, достойного их, найти было трудно, а потому, в большинстве случаев, царевна готовилась к вынужденно одинокой жизни. Таким образом, немудрено, что некоторые царевны боролись со своей долей, не на живот, а на смерть» [7, с. 52]. О верности соловьевского описания свидетельствует наблюдение современных историков, которые, опираясь на исследования ученых XIX века, отмечали, что «...доля взрослых царевен была незавидна. После неудачного опыта сватовства иноземного принца, прочившегося в женихи Ирине Михайловне, от дальнейших попыток отказались. А выйти замуж за подданного считалось невозможным. Вот и вынуждены были царевны коротать в одиночестве свой девичий век. Ведь ни муж, ни семья им не полагались!» [5, с. 313].

Для всего «теремного триптиха» характерны авторские размышления о женской доле. В романе «Касимовская невеста» писатель возвращается к описанию быта и нравов палат. Но здесь он более резок в своих суждениях. Вс. Соловьев, с большой симпатией относившийся к прошлому России, был тем не менее чужд сусальной идеализации былого: «Если кругозор и интересы тех людей, которые вращались на другой мужской половине дворца, должны были показаться заезжему образованному человеку того времени необыкновенно узкими, если именитые бояре поражали в большинстве случаев грубостью своих нравов, бессмысленной животной жизнью, то женский мир представлял собой явление совершенно безотрадное. В плохой школе приходилось воспитываться царевнам, мало путного могли внушить им их лицемерные наставницы. О действительной, живой жизни они не имели ровно никакого понятия, ничего не знали, кроме своего терема, теремных радостей и печалей» [7, с. 268]. В романе «Царь-девица» романист отмечает, что «Царевна Софья чуть ли не первая возмутилась против такой жизни. Она с детства возненавидела терем, его нравы и обычаи, а любовь к ней доброго и разумного отца дала ей возможность приготовить себя к другой жизни» [10, с. 276].

Иное дело – тетушка Софьи, царевна Ирина Михайловна, главная героиня романа «Жених царевны», любовно обрисованная писателем. Это старшая из семи дочерей царя Михаила Федоровича от его второго брака с Евдокией Стешневой. Она стала первой «багрянородной» царевной в династии Романовых: родилась, когда ее отец уже занимал Московский престол. Ирина, как и все царевны, росла в тереме. Придворные мастерицы обучали девочку грамоте и рукоделию. Лучшей подругой царевны была Маша, простая девочка, которая помогала ей во всем. Размеренную жизнь в тереме нарушило известие о желании царя выдать дочь замуж за иностранного королевича.

Она стала первой из «поруганных невест». По наблюдению современной исследовательницы, «в романе “Жених царевны” основное сюжетное действие построено на абсурдной ситуации: датский принц Вальдемар был приглашен царем Михаилом Федоровичем Романовым в Россию для женитьбы на царевне Ирине» [3, с. 61], несмотря на то, что изначально неразрешимым был вопрос о смене принцем вероисповедания (с реформаторского на православное). Следствием этого обстоятельства стала личная драма русской царевны. Для нее любовь к датскому королевичу не просто страсть молодой девушки к красивому юноше, но еще и единственная возможность избавиться от давящей атмосферы царского терема, большинство царственных обитательниц которого было обречено на безбрачие или монашество. Ее грезам не суждено сбыться: сын датского короля навсегда покидает Россию, а дочь русского царя становится первой в ряду описанных Вс. Соловьевым «поруганных невест». Поэтому, если несостоявшаяся свадьба для Вальдемара – досадная неудача, то для царевны Ирины – настоящая трагедия. Невозможность обрести счастье в любви и браке изменила характер Ирины. В первых главах своего романа автор так описывает свою героиню: «... про нее прислужницы и ближние боярышни говорили: “уж, добрая же, добра же наша

царевна, не будь она царевной, не имей всего вдосталь, да распоряжайся всем по своему усмотрению, кажись для бедного человека последнюю сорочку бы с себя сняла, да так нагишом по улице и побежала!» [7, с. 71]. В эпилоге романа Вс. Соловьев психологически тонко отмечает произошедшие перемены в характере царевны: «... пережитое ею горе не унесло ее жизни, но навсегда придавило своею тяжестью. Бледная, с потухшим взором, казавшаяся гораздо старше своего возраста, она жила безучастная ко всему и всем... Постельница царевны, Настасья Максимовна, иной раз шепотом, на ушко надежной приятельнице, толковала:

– Зла стала царевна Ирина Михайловна, никакой в ней нету к людям жалости, сколько слез от нее по терему! Никто ей не угодит, все неладно ей, так и норовит обидеть человека, под беду подвести его. И что такое случилось с нею? Ведь добрая была, как ангел Божий» [7, с. 168].

Итак, царевна Ирина стала жертвой международной политики своего отца. Если бы не желание Михаила Федоровича выдать ее замуж только за датского королевича, все могло бы сложиться иначе. Желание царя укрепить отношения между Россией и Данией было настолько велико, что он хотел любой ценой заставить Вальдемара жениться, при этом он не думал о судьбе своей дочери, а занимался лишь международной политикой в тот период времени. Но в результате юное девичье сердце осталось разбитым после переживаний из-за неразделенной любви и предательства лучшей подруги. Если для царевны Ирины сватовство иноземного принца обернулось личностным крахом, то по-иному проявила себя её ближайшая служанка, теремная девушка Маша, покинувшая свою и госпожу, и терем, и Московию, вступив в морганатический брак с королевичем. Она, а не великая княжна, выступает на первый план. «Бесенок-Маша», случайно проведав о сватовстве Вальдемара, передала эту тайну царевне, а затем донесла ей и о препятствиях для брака. Она же устроила и свидание Вальдемара с Ириной, чем подняла понятную тревогу. Девушку заподозрили в том, что она пропустила вора в терем. Спасаясь, она убежала к королевичу, в которого влюбилась с первой встречи и, видя взаимность чувств с его стороны, ушла с ним, когда после смерти царя Михаила Федоровича Вальдемар смог вернуться на родину. Дома он показал отцу свою возлюбленную. Автор неоднократно подчеркивает размышления девушки – она мучается сомнениями, правильно ли она поступила. Предала ли Маша царевну или это была всеобъемлющая, всепоглощающая любовь, ради которой люди готовы на испытания, ради которой готовы нарушить традиции и не считаться с мнением общества? Бунтарский дух присутствует в Маше с детства. Она показана в романе эмансипированной девушкой, которая не готова была мириться со строгими порядками терема и добавляла тем самым всем хлопот. Эта совсем юная девушка решилась на самоотверженный поступок ради своей любви к королевичу. Вальдемар так же, как и для Ирины, стал для Маши главным человеком в жизни. Она не побоялась последствий и сделала, казалось бы невозможное – сбежала из терема, миновала охрану. Решившись на побег, она пошла до конца. Пойти против всех, бросить вызов окружающим и доминантной здесь выступают глубокие чувства.

Датский король Христиан, отец принца, отнесся к ней благосклонно, и Маша стала предметом общего внимания. Принц устроил ей чудесное гнездышко, приставил к ней учителей и развил в ней ее музыкальные способности. Когда началась польская война и Вальдемар оказался в армии шведского короля Карла X, Маша, не раздумывая, последовала за возлюбленным. «Жизнь наша и смерть вместе», – говорила она. В бою королевич был убит. «Стреляйте, ляхи!» – воскликнула Маша и упала бездыханная на труп Вальдемара» [7, с. 165]. Данные об участии Вальдемара в магнатском конфликте в Речи Посполитой и его гибели в Польше-документальны, но образ его русской возлюбленной (а затем – морганатической супруги) является вымышленным.

Но все же Маша – интересный и многогранный хаактер. Вс. Соловьев над ним, как над одним из своих излюбленных женских типов, много поработал. Он создал яркий образ, каких, по справедливому отзыву критиков, немного в русской литературе. С быстрыми, живыми, смелыми глазами, в которых светилось любопытство, девочка-бесенок, сиротка-подросток, так сказать, выросшая на глазах читателя, Маша была бойка, весела и дышала той прелестью, которая действовала на окружающих все сильнее и сильнее, все больше, по мере того, как знакомились с ней, как ее узнавали. Ее живой характер, живой ум, природная кокетливость и шаловливость (а главное, женский такт, которому научил ее, конечно, не терем) составляли для нее надежное оружие, с помощью которого она могла постоять за себя. Это необыкновенно нежная, любящая натура. В теремной атмосфере выросла девушка, и пока была под ее гнетом, в ней, при всей ее веселости,

решимости, удалстве, все-таки чувствовалось что-то рабское, подневольное. Словно все шалости свои, безумства она проделывала в порыве отчаяния. Но когда она очутилась на свободе, да еще и с любимым человеком, её богатая натура предстала во всей красоте. Обладая тонким чутьем художника, Вс. Соловьев с такою энергией рисовал своего бесенка-девушку, что образ Ирины Михайловны, над которым он тоже потрудился немало, как будто отошел назад, как будто на него наброшена дымка.

Другая драматическая история положена в основу исторического романа Соловьева «Касимовская невеста», время действия которого относится к началу царствования Алексея Михайловича. Основное романное противоречие – невозможность для молодого царя свободного выбора собственной судьбы, ибо даже выбранная им из многих красавиц провинциальная боярышня Фима Всеволодская была устранена из царского терема лукавым царедворцем Артамоном Морозовым, поскольку тот пожелал породниться с молодым монархом (стать его свояком), организовав свадьбу государя и свою собственную с сестрами Милославскими. Романтическая история опальной красавицы Евфимии, полная загадочных недомолвок, воспламеняла писательское воображение Вс. Соловьева, позволяя, вместе с опорой на документальные свидетельства, дать простор художественной фантазии. В этом произведении писатель вновь касается проблемы «порухенной невесты». Одним из важных факторов значимости этой проблемы стало привнесение в роман «Касимовская невеста» истории неудачной помолвки Михаила Федоровича Романова с незнатной боярышней Марией Хлоповой, которая стала предшественницей Евфимии Всеволодской. Об этом писатель повествует в следующем отступлении: «Многие еще помнили судьбу Марии Хлоповой, невесты царя Михаила. Эта Мария Хлопова, как и теперь Фима, была незнатного рода (подчеркнуто мною – авт.), и ее избрание пришлось очень не по вкусу тогдашним сильным боярам. Они опасались новой родни царской, и тем более, что некоторые из Хлоповых отличались нравственными достоинствами и сразу полюбились молодому государю... Как ни боролись Хлоповы с боярскими интригами, но победить не смогли. И сослали несчастную Марью Хлопову, хотя она совершенно оправилась от перенесенной болезни, отправили ее в Тобольск, разлучив ее при этом с отцом и матерью. Долго потом не мог молодой царь Михаил Федорович забыть своей милой невесты, но с матерью, строгой и властной старухой, да с боярами лукавыми он не в силах был справиться и, наконец, покорился своей участи, выбрав себе такую царицу, которая была по мыслям всем окружающим» [8, с. 311]. История с «порухенной невестой» первого Романова дважды упоминается в романах о XVII ст. Повествуя о русских царевнах и царицах, Вс. Соловьев писал, что само счастье для них становилось иллюзией.

По-иному сложилась судьба боярышни Марфы Апраксиной, описанной в романе «Царь-девица». Ей, в отличие от иных дев боярских, посчастливилось стать царицей. Юная красавица, выросшая вне дворцовых интриг и тайн, вначале попав под влияние хитрой Софьи, не стала орудием в ее руках. Проявив искреннюю любовь к мужу, она жалела Нарышкиных, обреченных на вторые роли, пока ее муж, Федор, оставался царем. Все, что могла царевна, сводилось к любви к Богу и мужу. Эта женщина не могла быть противником Петра по природе, так как черты характера делали ее безучастным свидетелем петровских реформ. «Царица Марфа – собирательный образ русской знати той эпохи» [4, с. 353].

Но ее супруг, царь Федор Алексеевич, человек больной и добрый, несмотря на свою любовь к ней, не может дать ей полноценного счастья. И он это прекрасно понимал. В диалоге со своей сестрой, царевной Софьей, он говорит: «–Ах, зачем это вы уговорили меня жениться опять?.. Вот послушал вас, загубил век девичий. Не женись я, Марфушка нашла бы себе мужа здорового, детей народила бы, вынянчила бы, ...а теперь что?... Как она останется?» [10, с. 285]. В одной из финальных глав романа «Царь-девица» автор вновь возвращается к судьбе царицы Марфы Апраксиной, которую можно с некоторой долей условности назвать «порухенной невестой». И в то же время ее судьба вполне типична для царского терема XVII века.

Как писал Вс. Соловьёв, «семь долгих лет прошло после его смерти, но она все о нем вспоминала и горячо молилась о его душе, больно уж хороший человек был, царь Федор Михайлович. Царица Марфа довольно часто ходила на богомолье, чуть не каждый день кормила нищих, одевала бедных. Помогая обездоленным и больным, в ее душу постепенно возвращалось спокойствие; осушая чужие слезы, она осушала и свои собственные. И все же бывали дни тяжелые и

мучительные ночи, когда, невесть откуда, вдруг в ее душу накатывала тоска и приходила бессонница. Тогда всю ночь металась бедная Марфа, горько плача. И от этой безысходности все быстрее увядали никому ненужные ее молодость и красота» [10, с. 388].

Однако помимо «поруганных невест» в соловьевских романах встречаем и иные женские типажи. В своем творчестве романист неоднократно обращался к проблеме положения русской женщины XVII века. В его романах представлены различные типы женских характеров. Рассмотрим наиболее яркие образы – теремных служанок.

В «Женихе царевны» мы встречаем Настасью Максимовну, простую русскую женщину с доброй душой. Она прощала Маше все ее проказы и даже когда наказывала, всегда переживала за свою грубость. В противоположность Настасье Максимовне можно поставить Пелагею Карповну, скупую и мелочную женщину, готовую на доносы ради собственной выгоды. Она следит за всеми слухами, перевирает и разносит их по терему. «Пелагея ненавидела Машу не со вчерашнего дня, ненависть эта началась очень давно, и первой ее причиной оказалось такое обстоятельство: у Пелагеи была дочка Машиных лет, и она, определяясь в терем, хотела пристроить ее вместе с собою с тем, чтобы девочка находилась при царевне. Это было почти уже обещано ей, но вот подвернулась Маша, и все изменилось. Пелагеина дочка не понравилась царевне, а Маша сделалась ее любимицей. Этого обстоятельства, конечно, было совершенно достаточно для того, чтобы от природы злая и неразборчивая в средствах женщина почувствовала непримиримую ненависть к царевниной любимице» [7, с. 56]. Она искренне ненавидит Машу из-за участи своей дочери. Под стать Пелагее Карповне и её подруга, белошвейка Соломонида Митриевна, которая представлена скандальной, озлобленной на весь мир. Желание всем навредить было для нее доминирующим.

В ином свете изображена Княгиня Марья Ивановна Хованская – «мамушка царевны» Ирины Михайловны, которая представлена на страницах романа в качестве истинной аристократки. «Женщина она была спокойная, рассудительная... Что творилось вокруг нее в этом обширном человеческом муравейнике, носившем название царского терема, она относилась всегда без волнения и редко что принимала к сердцу» [7, с. 3]. Она много времени уделяла воспитанию царевны и оказывала на нее большое влияние. В окружении царевны находится и наперсница Маши Ониська Мишурина – прачка, оказавшаяся в эпицентре событий при посещении терема королевичем: «Ониська, девка работающая, простая и несколько придурковатая, которая, еще ничего не видя, уже лила реки слезные, вопила и причитала, имела вид до крайности перепуганный и виноватый» [7, с. 67]. Ее несправедливо обвинили, посчитав, что она возьмет всю вину на себя. Казалось бы, эту девушку считали умственно отсталой, но она как могла защищалась и отстаивала свое право на проживание в тереме.

В романе «Жених царевны» Вс. Соловьев, обобщая все вышеизложенное, дает сведения о типах русских женщин XVII века. В данном случае, как и во многом ином, писатель объективен, но не сгущает краски, в то же время устраняется и от каких-либо восторгов по поводу домостроевской страны: «...конечно, в старом русском тереме выросло достаточное количество женщин, неспособных на борьбу, и поэтому осужденных безропотно подчиняться всем требованиям обычаев. Такие женщины, по большей части, жили день за днем, уходили в узкие материальные интересы. Если они и страдали, то их страдания были, как страдания животных, рожденных и выросших в клетке, не знающих, что есть иная жизнь... Иные русские женщины старого времени смотрели на свою трудную малорадостную жизнь как на подвиг... Под влиянием таких женщин, а их было немало, развивалось и крепло истинное благочестие, глубокая и непреоборимая вера» [7, с. 69].

К сожалению, романист подробно не писал о женщинах такого склада. Его, как художника более светской, чем религиозной направленности, привлекали натуры иного рода. Об этом Вс. Соловьев писал так: «...среди женщин богатых верою, терпением и сознательными семейными добродетелями, всегда встречались представительницы третьего типа, живые, страстные и беспокойные натуры... Теремное воспитание не могло уничтожить их природных, врожденных особенностей, клетка портила их, извращала их инстинкты, зачастую превращала их в существа хитрые, лживые, способные на всякое тайное преступление ради достижения своих целей» [7, с. 70].

К третьему типу женщин относятся главная героиня романа «Царь-девица» – царевна Софья Алексеевна – и боярыня Анна Петровна Хитрая. Последняя полностью соответствует своей фамилии. Для нее характерны показная набожность, коварство, склонность к интригам, двуличность,

лживость. В ней собраны все отрицательные качества придворных обитателей. «Злым языком она как могла раздувала ненависть...» – так описывает ее нрав автор [10, с. 304]. Боярыня Анна Петровна вобрала в себе все отрицательные черты старой Руси. Она представляла тот слой общества, который всегда «...услужливо обитал возле царского трона, в ней проявились пороки старой русской знати. Эта была та знать, с которой так упорно боролся Петр I» [4, с. 354].

Им в романе противопоставлены представительницы провинции: боярышня Люба и украинка Родимица, молодая вдова двадцати трех лет, исполняющая многочисленные поручения царевны Софьи. Интересно, что она сразу предложила свою помощь Любе, легко и умело ориентируясь в премудростях придворной жизни. Родимица много бранилась и ссорилась с окружающими, но всегда выходила победительницей. Несмотря на то что Софья проиграла борьбу за власть, Родимица успешно устроила свою жизнь: удачно вышла замуж и уехала из Москвы: «Она была активна, успешна и легко управляла мужчинами. Родимица представляет другую, но близкую к Любе сторону образа древней Руси. В ней воплотилась простая народная Русь, анархичная и своевольная. Не случайно ее родина – казачья Украина» [4, с. 353].

Гораздо более интересен и трагичен образ Царевны Софии Алексеевны. Именно она – «Царь-девица» – становится главным действующим лицом одноименного произведения. Софья – «царь» не только была на своем месте в тогдашней иерархии России: после смерти Федора Третьего, а в сущности, и во время его краткого правления и стрелецкого восстания 1682 года она, по существу, заняла российский престол в качестве регентши при своих братьях. Софья порвала с затворническими традициями терема, получила прекрасное образование, в частности, была ученицей Симеона Полоцкого. Она активно участвовала в государственной жизни страны, была любительницей «комедийных действ», встречалась и вела беседы с иностранцами, изумляя их своими познаниями и дипломатическим искусством. Софья показана как предтеча новой эпохи. В ней чувствуются нереализованные задатки реформатора, но при этом она не может вырваться из плена московской Руси. В то же время Софья как царская дочь не может обрести счастье в любви и браке по тем же причинам, что и другие представительницы правящей династии: для нее брак с иноземным принцем не допускался по религиозным причинам, а брак с человеком русским, со своими подданными, хотя бы «из высокого боярского или княжеского рода, считался задорным для царевны. Таким образом, девица-царевна волей-неволей должна была готовиться в постницы, монастырки, монахини» [10, с. 275]. Как мы видим, автор ставит царевну Софью в ряд «порушенных невест» из царского терема. И хотя ее судьба в общих закономерных чертах тождественна судьбе иных описанных автором русских женщин, все же нельзя сказать, что жизненный путь царевны Софьи во многом идентичен судьбе иных теремных затворниц.

Стремясь вырваться из западни окостеневших традиций и обычаев, царевна пришла к выводу, что единственным выходом из данного положения для нее является достижение власти. Но в сложившихся условиях и этот путь оказался невозможным. В разговоре с царевной ее друг, князь Василий Голицын, замечает: «Разве ты можешь сомневаться в том, что я почел бы себя самым счастливым человеком, если бы увидел судьбу твою подобную судьбе дочери византийского императора Аркадия, мудрой Пульхерии Августы, со славою управлявшей государством столь долгие годы. Если б от меня зависело, конечно, я, вследствие юности царевичей, провозгласил бы тебя правительницей Российского государства... Но, по законам нашим, по укоренившимся правам и обычаем русским тебе нельзя надеть шапку Мономахову – так что ж делать?» [10, с. 311].

В отличие от образов других героинь, образ царевны Софьи сложен и противоречив. С одной стороны, она добра, милосердна, сострадательна, стремится к знаниям, мечтает о благе государства, но, с другой – Софья становится патологически властолюбивой, жестокой и коварной. В своем романе Вс. Соловьев показал, что обелить царевну Софью, сделать ее невиновной в обильно пролитой крови нет никакой возможности. Обстоятельства сложились для нее самым роковым образом. Перед нею встал во всей своей экзистенциальной неразрешимости вопрос: власть или гибель. В собственном журнале «Север» в одной из издательских публицистических статей романист, как бы создавая комментарий к «Царь-девице», так писал о своей героине: «Она не могла обречь себя на смерть. Ей оставалось достигнуть власти теми единственными средствами, какие были в ее распоряжении. С этого момента естественно и неизбежно должны были получить главнейшее развитие темные стороны ее натуры... Конечно, не на ней одной лежит ответственность за все ужасы

того времени. Вероятно, если бы она смогла предвидеть все, что произойдет, поколебалась бы, остановилась бы. Но во всяком случае, для достижения своих целей она сознательно хватилась за ужасные средства и под ее знаменем, не без ее ведома действовали ее сторонники» [6, с. 14–15]. Весьма примечательна в этом отношении финальная сцена этого романа. Автор стремится избегать окончательного суда над своей героиней, приводя ее к покаянию. Об этом факте биографии царевны другие писатели и ученые, как правило, не упоминали. Заканчивая свой роман, Вс. Соловьев писал: Софья «... чувствовала, что есть еще какая-то слабая надежда, что возможно примирение с Богом, что возможно забвение прошлого, возможна новая жизнь. В этой надежде ее утверждал вид Любы, все, что она прочла на лице ее. Монахиня склонилась над царевной, и из прекрасных черных глаз ее скатились тихие слезы: – Будем молиться, Софья!» [10, с. 430]. Как глубоко верующий христианин, Вс. Соловьев специально ввел в роман эту сцену, показывая, что утешение от жизненных невзгод лежит в сфере религии. Именно к такому выводу приходят его героини: Люба (ставшая монахиней Верой), царевна Софья и царица Марфа.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В проанализированных произведениях представлены различные виды отношения к сложившимся устоям: от бунта (Маша, Софья в первоначальный период её деятельности) до поисков счастливой доли в иных условиях (Родимица, Евфимия Всеволодская), подлости и интриг (боярыня Анна Хитрая, Пелагея Карповна и Соломонида Митриевна) и доброго служения ближним (Настасья Максимовна, Родимица, Люба) и спокойного приятия уклада как данности (княгиня Хованская, Ониська Мишурина). В образах этих героинь дана обобщенная и яркая картина допетровской Руси. Перспективами исследования мы считаем дальнейшее изучение типологии женских характеров, как в прозе Вс. Соловьева, так и в русском историческом романе второй половины XIX века.

Источники и литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 333 с.
2. Быков П. В. Вс. С. Соловьев: его жизнь и творчество / П. В. Быков // Соловьев Вс. С. Сочинения – Т. 1. – СПб. : [б. и.], 2002. – 320 с.
3. Лексина А. В. Историческая проза Всеволода Соловьева: проблематика и поэтика : дис... канд. филол. наук / А. В. Лексина. – Коломна, 1999. – 198 с.
4. Ляпина С. М. К вопросу о символике женских образов в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» / С. М. Ляпина // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Кирилло-Мефодиевские чтения. – Москва ; Ярославль, 2010. – С. 351–356.
5. Морозова Л. Е. Дворцовые тайны / Л. Е. Морозова, А. Н. Демкин. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2004. – 380 с.
6. Соловьев Вс. С. Заметки издателя / Вс. С. Соловьев // Север. – СПб., 1888. – № 1. – С. 14–15
7. Соловьев Вс. С. Жених царевны / Вс. С. Соловьев – М. : Эксмо, 1994. – 420 с.
8. Соловьев Вс. С. Касимовская невеста / Вс. С. Соловьев. – М. : Эксмо, 1994. – 420 с.
9. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом / С. М. Соловьев. – М. : Наука, 1984. – 231 с.
10. Соловьев Вс. С. Царь-девица / Вс. С. Соловьев – М. : Эксмо, 1994. – 420 с.

Нікольський Євген. Типологія жіночих характерів та доля у творах Всеволода Соловйова про російську історію XVII століття. У статті розглянуто типологію жіночих характерів в історичних романах Всеволода Соловйова «Наречений Царівни» (1891), «Касимовська наречена» (1879), «Цар-дівця» (1878), присвячених російській історії XVII ст. Проаналізовано створений письменником тип «порушеної нареченої» та інші жіночі типи. Наголошено, що письменник критично оцінював уклад допетровської Русі, коли талановиті жінки змушені були стати затворницями, що щире захоплення Всеволода Соловйова викликали релігійно обдаровані натури та бунтарки. Особливо докладно в цьому контексті проаналізовано образ царівни Софії, яка представлена у всіх суперечностях її епохи та натури (і як грішниця, і як свята).

Ключові слова: історичний роман, XVII ст., авторське сприйняття історичної особистості, династія Романових, царівна Софія, жіночі образи.

Nikolskiy Jevgen. The Typology of Female Characters and Destinies in Wsevolod Solovyov's novels about Russian History XVII of a Century. The article deals with Wsevolod Solovyov's (1849–1903) typology of female characters in historical novels «The groom of the princess» (1891), «The bride from Kasimov» (1879) and «The Tsar-maiden» (1878), devoted to Russian history XVII of century. Author analyses the types of «not taken place bride» and other female types created by the writer. The article says that the writer has critically evaluated the structure of pre-Petrine Russia when talented women had become nuns and what sincere admiration Vsevolod Solovyov called

religious gifted life, and rebels. In particular, in this context, analyzed the image of the Princess Sophia, which is presented in all its contradiction and its era and its nature (and as a sinner and as a Saint).

Key words: the historical novel, XVII a century, author's perception of the historic figure, Romanov's dynasty, princess Sofia, female images.

Стаття поступила в редколлегию
02. 03. 2016 г.

УДК 821.161.2.09:376-053.5

Зінаїда Пахолок

Художній простір Людмили Вознюк

У статті схарактеризовано літературну діяльність волинського вчителя-дефектолога Людмили Вознюк, присвячену дітям з особливими освітніми потребами. Проаналізовано книжки для дошкільників: визначено жанр і зміст, виховне значення, описано їх художнє оформлення. Установлено, що з метою формування толерантного ставлення до людей з обмеженими можливостями вперше в українській літературі для дітей з'явився триптих про інвалідність.

Ключові слова: українська література для дітей, зарубіжна література для дітей, діти з особливими освітніми потребами, толерантність, літературно-педагогічний жанр, лист, п'єса, оповідання, казка, триптих.

Постановка наукової проблеми та її значення. Літературні твори для дітей різних вікових груп, починаючи з дошкільників, педагоги та батьки використовують як ефективне джерело виховання й навчання дітей. Українська література для дітей щороку збагачується новими творами та іменами, які послідовно не відстежує критика, оскільки накладі видань ледь сягають декількох сотень, а загальнодержавної системи розповсюдження книжок немає. Щорічні книжкові ярмарки в столиці й обласних містах не можуть докорінно змінити ситуацію. У зв'язку із цим заслуговує на увагу літературна діяльність Людмили Михайлівни Вознюк із теми дітей з обмеженими можливостями та створення сприятливих умов інтеграції в систему сучасних суспільних відносин.

В Україні, за даними Міністерства соціальної політики, на 1 січня 2015 року загальна чисельність осіб з обмеженими можливостями становила 2 млн 568 тис. 532 особи, або 6%, у загальній структурі постійного населення країни (42,8 млн осіб), у тому числі дітей з обмеженими можливостями 151 125 осіб. Право дітей із відхиленнями в розвитку вести повноцінне й гідне життя в суспільстві та право дитини на особливу турботу й допомогу, що повинна надаватися з урахуванням фінансових ресурсів батьків або інших осіб, законодавчо закріпила Конвенція ООН про права дитини від 20 листопада 1989 року [17, с. 37–38]. Україна ратифікувала цей документ у перший рік своєї незалежності.

Аналіз досліджень цієї проблеми. На сучасному етапі в Україні змінюється ставлення суспільства й держави до дітей із відхиленнями в розвитку від ізоляції й агресії до толерантності та інклюзії [20, с. 5]. Толерантність (від латин. *tolerantia* – терпіння) відіграє важливу роль у стосунках між людьми. Формувати увагу один до одного, зокрема до осіб із інвалідністю, потрібно в дитинстві. Інклюзію (від англ. *inclusion* – включення) розуміють як форму буття, спільного життя здорових людей і людей з обмеженими можливостями, процес активної участі осіб з інвалідністю в соціумі.

Важливим чинником ефективної розбудови інклюзивного середовища є позитивне ставлення здорових вихованців до їхніх однолітків, тому потрібно використовувати літературу для дітей із її виховним й освітнім потенціалом для формування моральних почуттів. Прикладом такої літератури можуть бути книжки Л. М. Вознюк, освітні, особистісні та професійні обставини якої спричинили зацікавлення темою дітей з особливими освітніми потребами. Проте літературна діяльність учителя-дефектолога перебуває в полі зору лише журналістів [23, с. 301].

Мета статті – проаналізувати твори для дітей Л. М. Вознюк як вияв професійної та соціальної активності, громадянської позиції автора, що уможливить їх активне включення в науковий і культурний обіг.